

Желание
женщины

Читайте
любовно-детективные роман
ЛЮДМИЛЫ МАРТОВОЙ:

Приворот для Золушки
Судьба зимней вишни
Визитка злой волшебницы
Вакансия третьего мужа
Мой любимый сфинкс
Ключ от незапертой двери
Страсть на грани
Февральская сирень
В Коктебеле никто не торопится
Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
Вишня во льду
Первый шаг к мечте
Встреча по-английски
Чужая путеводная звезда
Мадам будет в красном
Когда исчезнет эхо
Бизнес-план счастья
Дьявол кроется в мелочах
Туман над темной водой
Лунная дорога в никуда
Проклятие брачного договора
Последний штрих к портрету
Кружевное убийство
Тайну прошепчет лавина
Алая гроздь турмалина
Рассвет наступит незаметно
Запретные воспоминания
След на весеннем снегу

*С последним ударом
колокола еще тише
тишина.*

Мартин Хайдеггер

*Все события вымышлены,
любые совпадения
случайны.*

Райцентр, в котором Ксении предстояло жить какое-то время, неожиданно оказался похож на пряничный городок. Точнее, на зефирный, потому что жилые дома в один-два этажа, построенные еще в девятнадцатом веке, были белыми, розовыми, зелеными и голубыми.

Центральных улиц насчитывалось всего три, а поперечные, делящие город на аккуратные квадраты, обязательно начинались у реки и заканчивались у одной из церквей, которых Ксения за пару дней насчитала не менее восьми. Белоснежные, пронизывающие небо серебром и золотом куполов, напоминающих пики крепко взбитого беже, они усиливали впечатление легкой сказочности, праздничности даже.

Городок был чистенький и аккуратный, с залатанными ямами на дорогах, где-то заасфальтированными, а где-то деревянными тротуарами, возникающими перед глазами то тут, то там памятниками и арт-объектами, построенными на деньги местных «купцов и меценатов», и современной широкой набережной, построенной, как объяснили местные, всего два года назад и оснащенной удобными скамейками, витыми фонарями и расставленными на каждом шагу урнами. Благодаря наличию последних на набережной было чисто.

Частные дома своевременно белились и подкрашивались руками заботливых хозяев, а ветхие строения стыдливо кутались в баннерную ткань, на которой руками неве-

домого художника был восстановлен их изначальный облик. Это был вклад в порядок и процветание, внесенный городскими властями. Ксении здесь нравилось, и это тоже оказалось неожиданностью.

Отправляясь сюда, в Малодвинск, она была готова к унылому существованию в пришедшем в окончательный упадок провинциальном городке, суть жизни в котором идеально описывалась старым, советским, очень любимым Ксенией фильмом «Безымянная звезда». «Если бы вы знали, какая здесь тоска, когда идет дождь», – говорила с неизбывной безнадежностью в голосе одна из героинь фильма.

То ли потому, что за несколько дней пребывания Ксении в Малодвинске дождь не шел ни разу, то ли по причине того, что ее представления о жизни в уездном городе М. оказались бесповоротно устаревшими, но ей не было ни тоскливо, ни скучно, ни некомфортно. Конечно, бытовые условия, какими бы они ни оказались, ее заботили мало. Она ехала в Малодвинск не за удобствами. Ее целью было обустроить надежный тыл для Милы, единственной Ксениной дочери, принявшей сумасбродное и безрассудное решение бросить работу в расположенной в областном центре языковой гимназии и уехать в глушь.

Разумеется, решение родилось не на пустом месте и сподвижничества в нем не было ни на грамм. Просто после восьми лет отношений с молодым человеком, из которых три года пара даже прожила вместе, пусть и не торопясь зарегистрировать брак, но все-таки ведя, как это называла Ксенина мама, совместное хозяйство, Мила осталась одна.

Вместо официального предложения руки и сердца, которого вся их семья ждала с нетерпением, молодой человек собрал вещи и съехал к родителям, сообщив, что к семейной жизни не готов, от Милы устал, и вообще она – не та женщина, которую он видит матерью своих детей. Молодой человек ушел, а неприятный привкус от всей этой истории остался, и решение Милы полностью поменять жизнь скорее напоминало эвакуацию.

– Ты уверена, что хочешь все разрушить? – осторожно спросила Ксения у дочери, когда та сообщила, что уволилась из гимназии и устроилась на работу учителем английского языка в среднюю школу города Малодвинска. – Мила, ни один мужчина не стоит наших слез, а уж таких жертв он не заслуживает тем более. У тебя престижная работа, ты на хорошем счету, и, в конце концов, областной центр – это, конечно, не столица, но возможностей для досуга тут все-таки гораздо больше, чем в заштатном уездном городишке, до которого пять часов езды. Там, к примеру, даже в театр не сходишь.

– Ну, положим, в театры я и здесь не хожу, – мрачно заметила Мила. – Во-первых, они сейчас закрыты, а во-вторых, ты же знаешь, я не люблю самодеятельность. Нет, мам, не отговаривай меня, я все решила. Я жила в полной уверенности, что знаю, что меня ждет впереди. У меня вся жизнь была расписана. Я возвращалась с работы, готовила ужин, ждала Антона, мы вместе смотрели кино или встречались с друзьями, я ждала вскоре свадьбу, планировала, как мы будем воспитывать детей и вместе доживем до глубокой старости, но оказалось, что все эти фантазии существовали исключительно в моей голове. Что ж, если моим иллюзиям было суждено рассыпаться

ся в прах, то почему бы не разрушить до основания и все остальное, чтобы начать заново? Я не хочу ходить по улицам, вздрагивая оттого, что могу увидеть Антона или услышать его голос. Я уеду туда, где буду на сто процентов застрахована от случайной встречи.

– Такое чувство, что ты себя наказываешь ссылкой. Но ведь ты ни в чем не виновата.

– Я виновата в том, что позволила другому человеку взять и стереть восемь лет моей жизни. Мне было девятнадцать, когда мы начали встречаться. Сейчас мне двадцать семь, и я нахожусь все в той же точке, с которой когда-то стартовали наши отношения. Незамужняя, бездетная, красивая, свободная. Более образованная и опытная, менее веселая и беззаботная. Вот и вся разница. Мама, в конце концов, разве ты в свое время поступила не точно так же?

Крыть было нечем. Ксения, выскочившая замуж, будучи студенткой Литературного института, и отхватившая очень перспективного мужа – будущего дипломата, сына атташе канадского посольства, тоже была уверена, что вся ее будущая жизнь видна как на ладони. В двадцать лет она родила Милу, отправленную на время к бабушке, чтобы дать молодым родителям возможность окончить институты, а получив диплом, уехала вместе с дочерью за мужем в Канаду.

С той же решительностью, с которой она осваивала чужую страну, заставляя принять там себя за свою, она вернулась на родину спустя десять лет, когда брак распался, изжив себя. Цепляться за возможность жить в Канаде самой или оставить там дочь она не стала. Да, Мила права, тогда ее гнало прочь именно нежелание ходить с бывшим

мужем по одним улицам, дышать одним воздухом. Он ее предал, а этого Ксения Королева не прощала.

Она вернулась домой и начала все сначала, за пятнадцать лет превратившись в одного из самых успешных российских переводчиков. Ее специализацией стали детективы, во-первых, потому, что Ксения их любила, а во-вторых, потому, что детективный жанр пользовался неизменным спросом: работы много, доходы стабильные. Да, пожалуй, она понимала, почему ее дочь решила уехать. Вот только, немного подумав, Ксения приняла решение ехать вместе с ней, хотя бы на первые пару месяцев, пока Мила не обживется на новом для нее месте.

Работать она могла в любой точке земного шара, семидесятилетние родители в помощи не нуждались, прекрасно справляясь вдвоем, да и благополучие единственной внучки их волновало гораздо больше, чем свое собственное. Так уж вышло, что, уезжая из родного города, кроме родителей, Ксения Королева никого в нем не оставляла.

После давнего предательства мужа она так и не научилась снова доверять мужчинам. Романы у нее, конечно, бывали, но терпеть чужую лень, или трусость, или безалаберность, или бесхозяйственность, далее шел длинный список мужских качеств, из которых можно было выбрать любое слово, она не хотела. Не считала нужным.

Сейчас, в сорок семь лет, Ксения пребывала в полной уверенности, что возможность романтических отношений для нее осталась в далеком прошлом. Вокруг было слишком много молодых, резвых, состоявшихся, умных и красивых женщин, готовых составить ей достойную конкуренцию. Более того, одна из таких конкуренток была ее собственной дочерью, и, глядя на Милу, Ксения отчетли-

во понимала, что шансов нет. Ни единого. Да и ладно. Не больно-то и хотелось.

В ее устоявшейся повседневности не находилось места мужчинам с их проблемами и той сумятице, которую любой роман неминуемо привносил в жизнь. Зато присутствовали новые книги, работа над переводами, неспешное течение будней, любимые родители, не требующие особой заботы, драгоценная дочь, которой сейчас было плохо. Отправившись вместе с Милой в Малодвинск, Ксения могла снять с ее плеч хотя бы малую толику забот и на первых порах избавить свою девочку от одиночества в незнакомом городе. Значит, решено, она тоже едет.

Двухкомнатная квартира, которую в качестве служебного жилья выделили новой учительнице, занимала половину небольшого деревянного домика со всеми удобствами на улице Чехова, практически в самом центре. Крыльцо выходило в небольшой, довольно запущенный, тенистый сад, где росли яблони, рябины, кусты сирени и шиповника. Дом принадлежал школе, и вторая его половина стояла пустая, предназначенная для учителя химии, которого пока так и не нашли. В доме и саду было тихо, и Ксению с Милой это вполне устраивало.

Дочь переехала в Малодвинск две недели назад и уже довольно хорошо освоилась в маленьком городке, знакомя теперь с ним мать. Ксения, задержавшаяся из-за поездки в московское издательство, которую откладывала с начала лета, приехала всего три дня назад и все никак не могла привыкнуть к пряничным улицам и зефирно-сливочным домам, а также неспешному, немного сонному укладу вкупе с доброжелательным любопытством местных жителей.

До начала учебного года оставалось две недели с небольшим, и дочь была решительно настроена войти в новый коллектив, подготовить все необходимые пособия, а также обойти семьи «своих» детей — ей вменили в обязанность и классное руководство. Что ж, надо привыкать к тому, что большую часть дня Ксении придется проводить время в чужом городе в одиночестве. Правда, работу никто не отменял, перевод нового детектива она должна сдать не позднее чем через два месяца. Книга была со шпионским уклоном, по крайней мере главный ее герой был отставным разведчиком, против своей воли втянутым в доморощенное детективное расследование.

Шпионские разборки Ксения не любила, предпочитая психологические триллеры, поэтому всю книгу целиком читать не стала, решила, что в этот раз будет переводить постранично, только в конце сделав литературную обработку текста. Иногда, когда книга захватывала ее целиком, она глотала ее за пару ночей и приступала к переводу, уже зная, как будут развиваться события. Но этот сюжет, судя по аннотации, для нее интереса не представлял. Жаль, конечно, но что поделать, работа есть работа.

Хлопнула входная дверь, заставив Ксению оторваться от экрана ноутбука и бросить взгляд на часы. Без четверти пять, Мила вернулась с работы. Выйдя в прихожую, Ксения с нежностью смотрела на дочь, стаскивающую с ног кроссовки.

— Привет, Милка, как рабочий день?

— Все хорошо, — дочь пристроила на тумбочку рюкзак, сунула ноги в тапочки и поцеловала мать в щеку. — Директриса так рада, что у нее теперь есть учитель английского, что при любом удобном случае готова меня расцеловать.

Остальные, конечно, относятся ко мне по-прежнему настороженно, потому что не понимают, откуда я свалилась на их голову, но держатся в рамках. Все очень вежливы и корректны. А дальше видно будет. Нет, он все-таки очень красивый.

– Кто красивый? – не поняла Ксения. Ее дочь отличалась стремительностью мысли, а потому уследить за ходом ее рассуждений иногда бывало трудновато. – Кто-то из учителей? Скажем, физрук, трудовик или математик?

– Физрука зовут Ольга Константиновна, – отрапортовала Мила. – Ей около сорока и выглядит она соответственно возрасту и профессии.

– Нахалка, – пробурчала Ксения, которая любые намеки на возраст воспринимала болезненно. – Твоей матери сорок семь.

– Моя мать – красавица, а не учитель физкультуры, – безапелляционно сообщила Мила и снова поцеловала Ксению. – Всем математикам, то есть, разумеется, математичкам, крепко за шестьдесят, а учителя труда зовут Василий Игнатьевич, он в прошлом году вышел на пенсию, но я его пока не видела, потому что, как болтают злые языки, он пребывает в запое. А красивый – наш сосед. Мам, ты что, не помнишь, я же тебе рассказывала.

Действительно, в первый же вечер дочь ей все уши прожужжала о том, что в соседнем доме живет какой-то потрясающий мужик. К этой информации Ксения отнеслась скептически, потому что никому потрясающему в Малодвинске взяться было совершенно неоткуда. Но в целом восторженность дочери вызывала у нее тревогу. После расставания с Антоном Мила находилась не в самом лучшем состоянии, и новая привязанность, возник-

шая по принципу «клин клином вышибают», сулила немало бед.

– Припоминаю, – уклончиво сказала Ксения и перевела разговор на другое: – Есть будешь? Я картошку поджарила. Ты знаешь, я с детства такой вкусной картошки не ела.

– Мамочка, в городе она из супермаркета, а тут от соседки, тети Стешы. Со своего огорода, не на химических удобрениях, а на натуральном навозе, потому и вкусная.

– Милка, ты-то откуда можешь про навоз знать? – Ксения не выдержала, рассмеялась. Ее дочь была типичным городским ребенком, даже дачи в их семье никогда не было.

– Мам, не забывай, что я здесь уже третью неделю и в твоё отсутствие была единственной жертвой пристального внимания соседок. Правда, не всех, – на этих словах Мила вздохнула. Видимо, тот самый неведомый Ксении красивый сосед не проявлял к ее дочери должного внимания. Слава богу! – Тетя Стеша взяла надо мной своеобразное шефство, снабдила картошкой, капустой, помидорами и целой корзиной огурцов. А заодно задала сто пятьдесят вопросов о том, кто я и откуда. Давай свою картошку, потому что пахнет ужасно вкусно. Мне только позвонить надо.

– Звони, я пока погрею. – Ксения прошла в кухню, повязала фартук, встала к плите, радуясь, что все идет именно так, как она задумала. Ради этого – стоять у плиты и кормить вернувшегося с работы ребенка – она и приехала в Малодвинск.

Сменившая строгий рабочий костюм на джинсы и свитерок Мила протиснулась на маленький угловой диванчик, оставшийся на кухне от прошлых хозяев, с удовлетворе-

нием осмотрела накрытый стол, на котором стояли миска с маринованными помидорами, плошка с малосольными огурцами, блюдо с квашеной капустой и корзинка с нарезанным черным хлебом. Его пекли в местной пекарне, и был он таким вкусным, что в первый же вечер Ксения съела зараз полбуханки и только после этого опомнилась.

Она поставила перед Милой тарелку, полную жареной картошки, затем положила себе, существенно меньше, с учетом возраста, требовавшего определенных ограничений, села напротив, с легкой улыбкой глядя на то, с каким аппетитом ест дочь.

– Ты чего такая озабоченная?

Внутреннее состояние Милы она считывала легко, с самого детства чувствуя ту незримую нить, которая часто возникает между матерью и дочерью. Сейчас ее девочка была чем-то обеспокоена.

– Вика на занятие не пришла и трубку не берет.

– Вика?

– Мам, ты меня что, вообще не слушаешь? Про соседа не помнишь, про Вику тоже... Я тебе рассказывала, что, пока в первые дни ночевала в гостинице, познакомилась с девушкой. Она студентка в местном колледже туризма, пока учится, подрабатывает горничной, но мечтает о карьере, поэтому, узнав, что я преподаю английский, попросила меня с ней позаниматься. У них же тут под туризм все заточено, иностранцы бывают, с языком больше шансов на хорошую зарплату.

– И ты, разумеется, согласилась помочь, – с улыбкой сказала Ксения. – Бесплатно.

– Мам, ну откуда у нее деньги. – Мила смотрела с упреком, словно меркантильность матери ее удивляла. – Вика

сирота, ей и так несладко приходится, но она рук не опускает, учится, работает, тянется к чему-то. Это стремление поддерживать надо и да, помогать, по мере возможности. Мне нетрудно, тем более что она очень старается.

– Так я ж не против. – Ксении внезапно стало стыдно. – Занимайся со своей Викой на здоровье. Если хочешь, я могу присоединиться. У тебя сейчас уроки начнутся, будешь в школе допоздна, а я сама себе хозяйка.

– Ой, мамочка, это было бы чудесно. Твой английский ничуть не хуже моего.

– Вот поганка, – Ксения засмеялась.

Ее дочь, уехавшая в Канаду в трехлетнем возрасте, естественно, говорила на английском как на втором родном языке, а для Ксении он был все-таки иностранным, хоть и владела она им на продвинутом уровне профессионального переводчика.

– В общем, я охотно позанимаюсь с твоей Викторией, чтобы освободить тебя от дополнительной нагрузки. Если она захочет, конечно. С учетом, что она не пришла на занятие и даже не перезвонила, ее усердие вызывает у меня сомнение. Милка, ешь давай, все остынет.

– Я ем-ем, очень вкусно, – проговорила Мила шепеляво, потому что рот ее был занят горячей картошкой. – Мам, а все-таки здорово, что ты решила поехать со мной. Я ужасно тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю. – Голос Ксении предательски дрогнул. Она вообще была «быстрозлезка», как называла это ее мама, слишком сентиментальная и в любой момент готовая расчувствоваться. – Милка, возможно, ты мне сейчас и не поверишь, но у нас с тобой все обязательно будет хорошо.

– Я в этом и не сомневаюсь, – уверенно сообщила дочь. – Поэтому и уехала в Малодвинск. Мамочка, чтобы впустить в свою жизнь что-то новое, сначала нужно освободить место от старого. Именно это я и сделала.

– Городок, конечно, чудесный, – осторожно сказала Ксения. – Признаю, что моей пессимизм по поводу твоего переезда был не совсем оправдан. Но все-таки связывать с ним новую страницу в жизни я бы не стала. Мил, мне не кажется, что ты сочтешь местный круг общения, скажем так, интересным. Вот если бы в Москву переехала, я бы тебя поняла. Это город возможностей. Но Малодвинск...

– Мама, никогда не замечала в тебе снобизма. Люди везде одинаковые, и счастье может поджидать прямо за поворотом. Вот выйдешь ты из дома, завернешь за угол и встретишь там свою судьбу. И в Малодвинске это может случиться с той же вероятностью, что и в Москве. Судьба, знаешь ли, не зависит от географии.

– Я надеюсь, ты сейчас не про соседа, – мрачно пошутила Ксения. – Ладно, Милка, мое счастье заключается исключительно в тебе. В твоём спокойствии и хорошем настроении. Так что в моем случае картинка за окном точно не имеет никакого значения. Тебе положить еще картошки?

* * *

Этой ночью заснуть опять не удалось. Впрочем, бессонница, даже такая изнурительная, как нынешняя, не вызывала в нем ни раздражения, ни горечи. Что-что, а чувства он умел держать под контролем надежно, сохраняя одинаковую работоспособность, концентрацию и настроение. Андрей Погодин никогда не боролся с тем, что нельзя из-